Глава 17: Дом двадцати трупов (7)

Вытерев лицо Сиери, я отпустил ее, умиротворяя свои сожаления. Я хотел попробовать больше вещей, но это все еще первый день. Это будет весело, если делать это медленно.

Так и прошла ночь. Я провел несколько минут в раздумьях о том, какие веселые вещи можно сделать с Сиери в будущем.

С самого утра Аира подметала и вытирала коридоры особняка. После Марша Искупления она боялась даже выйти на площадку особняка, иногда её и вовсе трясло. Поэтому я поручил ей уборку первого этажа своего особняка. Айра подметала и мыла первый этаж так старательно, как уборщица по профессии, а по ночам прислуживала мне, как куртизанка по призванию.

Обслуживающий персонал в особняке, казалось, не жаловался, поскольку за них делали их работу другие. Она пришла сюда в качестве "горничной", поэтому, скорее, естественным казалось видеть ее за уборкой. В качестве наказания, уборка также была очень подходящей работой.

Аира, которая адаптировалась к особняку гораздо лучше, чем ожидалось, заставила меня почувствовать гордость как религиозного человека. Разве она не была мошенницей, превратившейся в такого замечательного и честного человека? Сегодня она должна была совершить для меня "службу" под столом в моём кабинете, когда закончит уборку.

"Господин".

Когда я некоторое время стоял посреди коридора, наблюдая, как она убирает, Робин заговорил со мной. Притворившись, что я ничего не делал, я спокойно зафиксировала выражение лица и посмотрел на Робина.

"Что такое, Робин?"

"Мне нужно кое-что сообщить".

"Пожалуйста, говори".

"Прошлой ночью в городе произошло убийство, и подозреваемого нужно судить".

Лорд имел юрисдикцию над всем, что находилось на его территории. Неприятные дела решались соответствующим образом путем распространения указов через рыцарей или стражников, но в таких крупных делах, как убийство или разбойничество, лорд сам вершил суд. Поскольку владения Пета были небольшими, суды не проводились часто, но на любой территории время от времени уделять внимание судам было законом. Если показать брешь, люди хитро подкопаются.

Приходилось стараться не показывать виду, что я раздражён. Если бы это был 'Люциус', было бы правильно сделать грустное выражение лица и сказать в такие моменты.

"Ох. Убийство. Кто, черт возьми, совершил такое ужасное преступление?"

"Помните, во время марша искупления? Там был человек, который прервал шествие госпожи Аиры и избил ее".

"Да. Я помню."

Это было то, что он должен был сделать, потому что он был таким парнем. Конечно, я помню. Когда мне сказали, что он совершил убийство, я, естественно, кивнул головой. Даже когда он бил Аиру, то действительно несколько раз доходил до того, что Аира умирала. Если бы я не был целителем, он бы точно убил её. Благодаря этому план удался, но он не был подходящим человеком для моего поместья.

"Говорят, что он бил свою жену и в итоге убил ее".

"Очень жаль. Он били жену постоянно?".

"Да. Он был немного плохим человеком... Из-за этого, говорят, у него часто возникали трения с окружающими".

Стражники в этом мировоззрении не имели полномочий санкционировать чужие семейные дела. В первую очередь, это мировоззрение ягема. Если предположить, что я был женат на Сиери, то независимо от того, занимался ли я анальным сексом с Сиери или играл в БДСМ, стражники смотрели бы на меня свысока, но у них не было власти запретить мне это делать.

Другой пример, даже если бы я избил Сиери до смерти, если бы Сиери не умерла, у охранников не было бы полномочий выйти и арестовать меня. Суть была не в том, чтобы позволить жене умереть после того, как ее избил муж. Сам закон мог дать только "личное предупреждение" не делать этого, с точки зрения стражников это было проблемой.

"Итак, вы готовы?"

Даже в таком сельском поместье суд нуждался в структуре. 'Грешник', 'лорд', который наказывает, и свидетели, которые дают показания. Робин сказал.

"Уже есть пять человек, которые собрались, чтобы дать показания о его преступлении ".

Робин сказал, что тот парень обычно доставляет неприятности, поэтому на этот раз свидетели, должно быть, пытаются его добить. Не то чтобы я не мог этого понять.

"Тогда пойдем".

Я вышел из особняка вместе с Робином. На улице уже было шумно. Жители деревни повысили голоса, оставив вопрос о том, кто первым даст показания лорду. Стражники, в чьи обязанности входило контролировать свидетелей, делали им замечания, но они их даже не слушали.

Суматоха улеглась только тогда, когда я прибыл на место происшествия. Я огляделся. В углу, прикованный к веревке, скулил убийца, убивший жену.

Люди собрались на поляне с надписью [Свидетель], и многие сгрудились вместе, чтобы наблюдать за процессом. Охранники поприветствовали меня, как только я появился, и быстро встали. Поблагодарив их за тяжёлую работу, я решил провести суд всерьез.

"Страж. Опиши инцидент".

"Да господин! Вчера вечером Джон, который жил в деревне, прибежал к деревенскому патрульному и сказал: "Я слышу крик, доносящийся из дома Генри. Похоже, что человек внутри мёртв, поэтому прошу вас пойти со мной". Мы пошли в дом Генри, и когда пришли на место происшествия, жена Генри уже была забита до смерти дубинкой, а Генри был пьян и спал с дубинкой в руках."

"Вы уверены, что его жена умерла на месте преступления?".

"Это... Если вы посмотрите на труп, то можете быть уверены, что она умерла там".

Кстати, труп, о котором говорил стражник, теперь лежал в углу зала суда в качестве вещественного доказательства. Её лица не было видно, так как оно было закрыто соломенной циновкой. Охранник слегка приподнял циновку и спросил.

"Эм, могу я вам показать?"

"Что вы сделали после того, как нашли тело?"

"Мы вернулись вместе с Джоном, свидетелем, и Генри, преступником. Затем мы организовали дополнительный персонал, чтобы очистить место происшествия и вернуть тело".

"Разве вы не проводили расследование отдельно? На месте преступления могут остаться улики".

"Я думал, что преступление Генри было определенным... Это..."

"Когда узнали о происшествии, единственное, в чем стражники могли быть уверены, это то, что "из дома Генри раздался крик" и что "Генри был с дубинкой". Вы не могли узнать больше, чем это. Есть ли другие основания для вашего убеждения, что Генри - преступник, кроме того, что вам сообщили?"

"Это..."

Охранник потерял дар речи. У меня такое ощущение, что дело ведется в некоторой спешке. При таких обстоятельствах не имело значения, когда умерла его жена. Я пока отложил осмотр тела и посмотрел на Генри.

Увидев меня, Генри озадаченно посмотрел на меня и тут же опустил голову. Я спросил Генри.

"Генри. Это ты убил свою жену?"

"...Я не знаю".

"Ты не знаешь?"

"Я не знаю, убил ли я её или что произошло. Я помню, что пытался попасть в дом, будучи пьяным, но после этого я ничего не помню".

Это была типичная модель стигматизации. Существовала вероятность того, что Генри действительно забил свою жену до смерти, пока был не в себе, но, напротив, есть большая вероятность, что кто-то подставил Генри. У него было много врагов, до такой степени, что 5 человек из одной деревни поспешили дать показания об убийстве, которое произошло посреди ночи.

Для такого человека было естественно убить свою жену, и также естественно было подставить такого человека, что это он убил её.

"Я слышал, что ты регулярно избивал свою жену".

"...Да."

"Как ты обычно бил ее? Замахивался ли на нее бутылкой? Или инструментом?"

"Это..."

Генри закрыл рот и закатил глаза. Похоже, ему не хватало смелости признаться в своих грехах перед таким количеством людей. Я сказал.

"Говори Генри. Лорд спрашивает".

"В основном... Пинал... Бил..."

"Зачем ты это делал? Ты хотел убить свою жену?"

"Это... Я был так зол... Я сделал это. Потерял работу, у меня... Ничего не было..."

Послышался рев. Были также слова, проклинающие Генри, называющие его подонком или неисправимым человеком. Я сказал.

"Если я услышу еще хоть один шум в зале суда, я найду говорящего и ударю в колокол".

Только тогда толпа успокоилась. Я снова посмотрел на Генри.

"Ты потерял работу. Чем ты изначально занимался?"

"Изначально я был плотником, но во время работы получил травму и не смог работать".

"Что это была за травма?"

"Я повредил руку, поэтому моя правая рука не имеет силы. Вот почему я не могу бить молотком..."

"Вы были правшой".

"Да. Даже сейчас я в основном пользуюсь правой рукой, но не могу поднимать тяжелые вещи или напрягаться".

Я снова посмотрел на охранника. И спросил.

"В какой руке была дубинка, которую, по словам Генри, он держал в руке?"

"Она была в его левой руке".

Ответил охранник. Это был инцидент, произошедший вчера, поэтому было легко вспомнить, в какой руке она находилась.

"Итак, учитывая показания охранников, Генри и Джона, Генри ранее был осуждаем за избиение своей жены время от времени, и его местонахождение в тот день было неясным, и он ничего не помнил, а когда вы пришли на место крика. Там не было никого, кроме Генри и его жены. В такой ситуации можно подумать, что Генри забил жену до смерти".

"Да, это так."

Охранник кивнул и ответил. Генри опустил голову. Но я покачал головой. Странно. Неестественно. Что-то было очень неестественным. Я спросил Генри.

"Генри. Ты использовал только левую руку, чтобы избивать свою жену?"

"Возможно... Использовал обе руки".

"Ты когда-нибудь переучивался, чтобы пользоваться инструментами левой рукой после потери работы из-за травмы правой руки?"

"... Нет. У жены есть работа, а я выпивал...".

Зрители смотрели на сцену суда с озабоченными лицами, желая открыть рот. Своими сжатыми губами и недовольным выражением лица они показывали свое желание поскорее убить Генри. Но я не хотел этого. Это дело. Оно было определенно странным.

Правша, потерявший сознание после выпивки, и алкоголик-правша, никогда не проходивший реабилитационных тренировок левой рукой, рационально рассуждает, что левая рука ударит сильнее, и берет оружие левой рукой? И даже умудряется забить им жену до смерти?

Что-то было странным. Конечно.

http://tl.rulate.ru/book/91666/3192302